

Жены артистов — эпизод 1 из 5

Свободнейший гражданин столичного города Лиссабона, Альфонсо Зинзага, молодой романист, столь известный... только самому себе и подающий великие надежды... тоже самому себе, утомленный целодневным хождением по бульварам и редакциям и голодный, как самая голодная собака, пришел к себе домой. Обитал он в 147 номере гостиницы, известной в одном из его романов под именем гостиницы Ядовитого лебедя. Вошедши в 147 номер, он окинул взглядом свое коротенькое, узенькое и невысокое жилище, покрутил носом и зажег свечу, после чего взорам его представилась умильная картина. Среди массы бумаг, книг, прошлогодних газет, ветхих стульев, сапог, халатов, кинжалов и колпаков, на маленькой, обитой сизым коленкором кушетке спала его хорошенькая жена, Амаранта. Умиленный Зинзага подошел к ней и, после некоторого размышления, дернул ее за руку. Она не просыпалась. Он дернул ее за другую руку. Она глубоко вздохнула, но не проснулась. Он похлопал ее по плечу, постучал пальцем по ее мраморному лбу, потрогал за башмак, рванул за платье, чхнул на всю гостиницу, а она... даже и не пошевелинулась.

Вот спит-то! подумал Зинзага. Что за чёрт? Не приняла ли она яду? Моя неудача с последним романом могла сильно повлиять на нее...

И Зинзага, сделав большие глаза, потряс кушетку. С Амаранты медленно сползла какая-то книга и, шелестя, шлепнулась об пол. Романист поднял книгу, раскрыл ее, взглянул и побледнел. Это была не какая-то и отнюдь не какая-нибудь книга, а его последний роман, напечатанный на средства графа дон Барабанта-Алимонда, роман Колесование в Санкт-Московске сорока четырех двадцатиженцев, роман, как видите, из русской, значит самой интересной жизни и вдруг...

Она уснула, читая мой роман!?! прошептал Зинзага. Какое неуважение к изданию графа Барабанта-Алимонда и к трудам Альфонсо Зинзаги, давшего ей славное имя Зинзаги!

Женщина! гаркнул Зинзага во всё свое португальское горло и стукнул кулаком о край кушетки.

Амаранта глубоко вздохнула, открыла свои черные глаза и улыбнулась.

Это ты, Альфонсо? сказала она, протягивая руки.

Да, это я!.. Ты спишь? Ты... спишь?.. забормотал Альфонсо, садясь на дрябло-хилый стул. Что ты делала перед тем, как уснула?

Ходила к матери просить денег.

А потом?

Читала твой роман.

И уснула? Говори! И уснула?

И уснула... Ну, чего сердишься, Альфонсо?

Я не сержусь, но мне кажется оскорбительным, что ты так легкомысленно относишься к тому, что если еще и не дало, то даст мне славу! Ты уснула, потому что читала мой роман! Я так понимаю этот сон!

Полно, Альфонсо! Твой роман я читала с большим наслаждением... Я приковалась к твоему роману. Я... я... Меня особенно поразила сцена, где молодой писатель, Альфонсо Зензегга, застреливается из пистолета...

Эта сцена не из этого романа, а из Тысячи огней!

Да? Так какая же сцена поразила меня в этом романе? Ах, да... Я плакала на том месте, где русский маркиз Иван Иванович бросается из ее окна в реку... реку... Волгу.

Ааааа... Гм!

И утопает, благословляя виконтессу Ксению Петровну... Я была поражена...

Почему же ты уснула, если была поражена?

Мне так хотелось спать! Я ведь всю ночь прошлую не спала. Всю ночь напролет ты был так мил, что читал мне свой новый, хороший роман, а удовольствие слушать тебя я не могла променять на сон...

Аааа... Гм... Понимаю! Дай мне есть!

А разве ты еще не обедал?

Нет.

Ты же, уходя утром, сказал мне, что будешь сегодня обедать у редактора Лиссабонских губернских ведомостей?

Да, я полагал, что мое стихотворение будет помещено в этих Ведомостях, чтобы чёрт их взял!

Неужели же не помещено?

Нет...

Это несчастье! С тех пор, как я стала твоей, я всей душой ненавижу редакторов! И ты голоден?

Голоден.

Бедняжка Альфонсо! И денег у тебя нет?

Гм... Что за вопрос?! Ничего нет поесть?

Нет, мой друг! Мать меня только покормила, а денег мне не дала.

Гм...

Стул затрещал. Зинзага поднялся и зашагал...